

**Временник Общества
истории древностей
российских**

том 23

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В81

В81 Временник Общества истории древностей российских: том 23 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 522 с.

ISBN 978-5-517-92941-9

Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских», научно-историческое издание, выходившее в 1849 1857 в Москве. Опубликовано 25 книг. Редактор секретарь общества И.Д. Беляев. Во «Временнике» печатались исследования по древней истории России и древних славянских стран, неизвестные исторические источники, а также протоколы общества. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1856 года

ISBN 978-5-517-92941-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

О ЯЗЫКѢ ПЕЛАВГОВЪ,

НАСЕЛИВШИХЪ ИТАЛІЮ

И СРАВНЕНІЕ ЕГО СЪ ДРЕВНЕ - СЛОВЕНСКИМЪ.

Въ трехъ предъидущихъ разсужденіяхъ о Пелагго-Этракійскихъ племенахъ (Временникъ, X, XIII и XVI), мы представили свидѣтельства всей древности, что, въ числѣ извѣстныхъ намъ, исторически, народовъ въ Европѣ, — Пелагги суть древнѣйшій, населившій Эракію, Грецію, Италію, Ретію, Вендельскію, Норикъ, Панонію и всѣ страны до Дуная (1). Въ тѣхъ же разсужденіяхъ мы старались доказать, что древніе прото-Словене суть нечто другое, какъ тѣже Эрако-Пелаггійскія племена. Представивъ историческія доказательства нашего убѣжденія, мы обѣщали (Врем. XVI, 102) обратить вниманіе и на лингвистическую сторону этого вопроса. Исполняя обѣщаніе; сперва изложимъ, кратко, мнѣніе западныхъ объяснителей надписей, найденныхъ въ Италіи, о языкѣ Пелагговъ Италіанскихъ. Здѣсь мы будемъ руководствоваться учеными изысканіями Guagnacci, Gori, Vermiglioli, Inghirami, Valeriani, Migliarini, но болѣе всего Lanzi, посвятившаго тридцать лѣтъ своей жизни на этѣ объясненія, (*Saggio di lingua Etrusca. Firenze. 1824. 3 тома, въ 8*).

Конечно памятники языка Пелагговъ Италіанскихъ были, съ древнѣйшихъ временъ, разсѣяны на всемъ протяженіи Италіи. Но, до XV вѣка, никто не обращалъ на нихъ вниманія, какъ по совершенному отсутствію, до этого времени, историческихъ изыска-

ній, такъ равно и по начтожности самыхъ надписей. Онѣ состояли, главнѣйше, изъ собственныхъ именъ на саркофагахъ, названій городовъ на монетахъ и отдѣльныхъ словъ, попадавшихся на памятникахъ ваанія и живописи. Въ 1444 году были найдены, близъ Gubbio, девять большихъ мѣдныхъ досокъ, съ вырѣзанными на нихъ Пелазгійскими надписями. Двѣ, изъ этихъ таблицъ, были увезены въ Венецію и съ тѣхъ поръ объ нихъ нѣтъ никакого извѣстія. Слѣдовательно теперь хранятся въ Gubbio только семь. Изъ нихъ пять содержатъ Пелазгійскій текстъ, изображенный такъ же и буквами Пелазгійскими: остальные двѣ, т. е. 6 и 7-я, тотъ же текстъ, но состоящій изъ буквъ Латинскихъ. Последнія двѣ сходны, содержаніемъ, съ первою Пелазгійскою таблицею (по Lepsius, или IV, у Ланци), и это сравненіе послужило основаніемъ къ открытію настоящей азбуки древнѣйшихъ жителей Италіи. Латинскія буквы, употребленныя для этихъ надписей, объясняютъ тѣмъ, что послѣднія двѣ таблицы гораздо новѣе пяти первыхъ и начертаны уже тогда, какъ Латинскія буквы начали замѣнять Пелазгійскія и вошли въ общее употребленіе. Мы думаемъ, что это можно объяснить и тѣмъ предположеніемъ, что первыя пять таблицъ были начертаны для Обричей и другихъ племенъ, сохранившихъ первоначальныя буквы до позднѣйшаго времени; а двѣ остальные для жителей Лаціума и самаго Рима, которые ранѣе другихъ оставили первыя буквы и обратились въ Латинъ. Изъ пяти таблицъ, одна (по счету четвертая у Ланци) содержитъ древнѣйшій текстъ описанія священнодѣйствій совѣта (братства) жрецовъ храма, а другія двѣ суть выписки изъ первой и дополненія къ ней. Таблицы, начертанныя Латинскими буквами, какъ полагаютъ, не старѣе VI вѣка отъ построенія Рима, слѣдовательно на нихъ нельзя уже искать древняго языка.

Хотя надписи Евгубинскія были найдены въ 1444, какъ мы сказали выше, но настоящее изученіе ихъ началось только съ 1549 года. Основываясь на разысканіяхъ Gori и Bourguet, полагали языкъ этихъ таблицъ до—Троянскимъ, а Freget и Tiraboschi объявили, что онѣ не могутъ быть прочтены и что Пелазгійскій языкъ навсегда потерялъ. Mem. de l' acad. XV, и Storia Lett. I. Сначала буквы Этрурскія почитали Египетскими; потомъ Reinesius называлъ ихъ Пуническими (Diss. de ling. Pun). Но уже Spanheim (de praestantia et usu punism.) рѣшилъ, что онѣ суть письмо Кадма, т. е. азбука древнѣйшихъ обитателей Греціи (Пелазговъ). Въ послѣдствіи ихъ ста-

ли называть Этрусскими, на томъ основаніи, что Этруры, изъ всѣхъ Пелазгійскихъ племенъ Италіи, были извѣстнѣйшій и сильнѣйшій народъ. Такъ точно называли, на востокѣ, Франками всѣхъ крестовосцевъ, потому только, что Французы были главными изъ нихъ. Но полнѣйшій памятникъ языка Пелазговъ т. е. *Tavole di Gubbio*, начертанъ не на Этрусскомъ языкѣ, а какъ вообще полагаютъ, на нарѣчіи Обричей. И всѣ другія надписи Осковъ, Самнитъ, Вольсковъ, Венетъ, Еуганетовъ, *Magubii*, писаны тѣми же буквами. Слѣдовательно онѣ составляютъ общее письмо всѣхъ Пелазгійскихъ племенъ Италіи, а не однихъ Этруръ и конечно суть остатки древнѣйшей грамотности первобытныхъ жителей Европы, принесенной изъ малой Азіи. Всѣ нарѣчія древней Италіи были сходны между собою, ибо всѣ произошли отъ первобытнаго языка Пелазговъ, но нарѣчіе Этруръ еще труднѣе для насъ нарѣчія Обричей, по мнѣнію *Lanzi. Valeriani* полагаютъ, что въ древнѣйшемъ времени, всѣ племена Италіи, т. е. Этруры, Латинны, Обричи, *Aruli*, etc. говорили однимъ языкомъ, т. е. Пелазго — Италійскимъ. *Mus. Chiusin. II, 103 — 109.* Сюда же можно включить Самнитъ, Луканъ, Брутовъ, *Davni* и др. Монеты Самнитскія и надписи, находящіяся въ *Campania*, имѣютъ буквы Этрусскія, (*Nieb. I, 148*). Полное развитіе силы, могущества Пелазговъ и преобладанія ихъ языка на всемъ пространствѣ Италіи, должно полагать около 500 лѣтъ до построенія Рима, т. е. именно въ эпоху паденія Трои. Стравонъ, Плиній, Плутархъ, Юстинъ, Схимнъ и всѣ древніе историки (кромя Діонисія Галикарнскаго) называютъ Этруръ «Лядами», смѣшавшимися съ Пелазгами, въ одинъ народъ. Тогда вся Италія повиновалась Этрурамъ, а при переселеніи Енея, на берега Тибра, Тиренія составляла уже только нынѣшнюю Тоскану, да владѣла еще странною вдоль Падьвы, но и эта скоро была занята Галлами и безвозвратно потеряна. Въ это время возникалъ уже Римъ и составлялось владычество Латинъ.

И сколько было мнѣній, предположеній, системъ о языкѣ Пелазговъ! Онъ, по мнѣнію *Megala*, имѣетъ большое сходство съ Еврейскимъ. *Внопаротти* велъ Тиренъ изъ Египта; *Мафей*, — изъ земли Хаанаанской; *Mazochi*, — изъ Финикіи, а *signor Minervino*, — изъ Еѳіопіи. и *Ливіи*. *Egeret* и *Bardetti* почитали Этруръ Кельтами, жившими первоначально въ Альпійскихъ горахъ и которые, оттуда, перешли въ Италію. *Нѣгвас* производилъ ихъ отъ *Кантабровъ* — Басковъ; другіе, — отъ *Иверъ*, *Скпеовъ* и даже *Нѣмцевъ*. Еще недавно *Нибуръ* объявилъ ихъ опять *Нѣмцами*!

Въ слѣдствіи всѣхъ этихъ ложныхъ системъ и умствованій — даже въ XVIII вѣкѣ, для объясненія надписей, прибѣгали къ помощи языковъ Еврейскаго, Египтскаго, Египетскаго, Арабскаго, Коптскаго, Кельтскаго, Кантабрскаго, Тевтонскаго, Англо-Саксонскаго, Руническаго и даже Китайскаго! И все это вопреки положительныхъ свидѣтельствъ всѣхъ древнихъ историковъ и географовъ! При объясненіи надписи, на неизвѣстномъ намъ языкѣ, прежде всего должно обратить вниманіе на исторію того народа, который начерталъ эту надпись. Узнавъ происхожденіе самаго народа, не трудно уже будетъ избрать и настоящій путь, по которому должно слѣдовать, для открытія неизвѣстнаго языка. Но до конца прошедшаго вѣка всѣ попытки дѣлались на ощупь, ученые бросались во всѣ стороны и три вѣка полновѣсныхъ диссертаций не подняли и до сихъ поръ завѣсы скрывающей эту тайну. Ланца раздѣляетъ языкъ Пелазгическихъ племенъ Италіи на три эпохи. Первая до-Троянская, въ продолженіи которой извѣстны семь переселеній Пелазговъ на берега Италіи. Здѣсь они были первыми жителями всей страны, по свидѣтельству Сервія: *Primi (Pelasgi) Italiam tenuisse perhibentur.* (*Aeneid.* VIII, v. 600). Языки Латинскій и Еллинскій, за тысячу лѣтъ до царствованія Августа, составляли нарѣчія одного языка (Пелазгійскаго). Вторая эпоха есть та, когда, послѣ всѣхъ переворотовъ, переселеній, переходовъ, съ мѣста на мѣсто, наконецъ каждое племя основалось въ извѣстной мѣстности, назвалось особеннымъ именемъ, обозначило свои границы, составило свои законы и свой особенный говоръ. Первый договоръ между Римомъ и Габіею былъ писанъ Пелазгійскими буквами, на бычачьей кожѣ (*Fest.* III). Поливій свидѣтельствуесть (III 5), что въ его время (во второмъ вѣкѣ, до Р. X.), ученѣйшіе изъ Римлянъ уже не разумѣли мирнаго договора, заключеннаго между Кароагеномъ и Римомъ, въ первые годы послѣ изгнанія Тарквинія. Этотъ договоръ былъ написанъ языкомъ столь отличнымъ отъ Латинскаго, что даже самъ Поливій едва могъ его перевести. Слѣдовательно Римляне, именно, въ продолженіи этихъ 200 лѣтъ, совершенно забыли первоначальной свой Пелазгійскій языкъ и уже превратился въ позднѣйшихъ Латинъ. Т. Ливій также упоминаетъ, подъ г. 360 до Р. X. о Латинскомъ законѣ, писанномъ «на древнемъ языкѣ и древними буквами,» т. е. Пелазгійскими (*Lex vetusta est prisicis litteris verbisque scripta,* T. Livii, VII. 3). Дионсій Галикарнасскій уже не понималъ надписей древнѣйшихъ жителей Греціи, потому, что онѣ были Пелазгійскія. Такъ точно и Павзаній не могъ прочесть надписи на тренож-

никѣ, посвященномъ Аполону Исмійскому. Mus. Chiusino, 123. Макробій, разсуждая о языкѣ Латинскомъ его времени, т. е. IV, вѣка по Р. X. очень ясно говоритъ, что тогда употребляли еще слова нарѣчій Аврунковъ, Сикантъ, и вообще Пелазговъ, первыхъ жителей Италіи, но не одобряетъ этого. Онъ совѣтуетъ своимъ современникамъ избѣгать почти забытыя слова и странныя обороты рѣчи, вышедшіе изъ употребленію (въ высшемъ кругу общества); «ибо», прибавляетъ, существуютъ еще и теперь тысячи словъ (*mille verborum talium est*), которыя прежде были въ общемъ разговорѣ, но нынѣ уже должно ихъ избѣгать. Macrobi. Saturn. I, 5. Римскій языкъ, какъ образованный, составилъ не ранѣ конца VI вѣка и усовершенствовалъ въ продолженіи двухъ послѣдовавшихъ (отъ постр. Рима). Но народъ и послѣ этого всегда говорилъ языкомъ весьма отличныхъ отъ письменнаго (Maffei, Stor. di Verona, XI, 602). Оски и Волеки, даже въ цвѣтущую эпоху Латинскаго языка, сохранили свое нарѣчіе, которое очень хорошо понимали простолюдины Рима, — доказательство, что ученый Латинскій языкъ былъ нѣчто составленное искусствомъ и отличное отъ народнаго говора всѣхъ Пелазгійскихъ племенъ Италіи. *Osce et Volsce fabulantur, nam Latine nesciunt*, говоритъ современникъ о простолюдинахъ. Наши ученые знаютъ Латинской книжной языкъ, но говоръ Пелазгійскихъ племенъ Италіи намъ совершенно не извѣстенъ. И въ мертвой Латинѣ мы незнаемъ какъ Римляне произносили каждую букву. Слово: Сісего, произносятся Нѣмцы: Цицеро; Фравцузы: Сисеро, а Итальянцы, потомки Пелазговъ, — Чпчero. Нѣмцы и Французы, именно отъ того, что не имѣютъ нашей буквы, Ч, или Итал. С. Безъ сомнѣнія должно произносить какъ выговариваютъ Итальянцы. Третія эпоха есть соединеніе всѣхъ нарѣчій Италіи, подъ одинъ Латинскій языкъ. Городъ Кума просилъ Сенатъ, въ 180 году, до Р. X. дозволить его жителямъ, въ публичныхъ актахъ, замѣнить туземное нарѣчіе, Латинью. T. Liv. XL, 42, 72. Тогда, въ общественныхъ сношеніяхъ, прекратились разныя племенные нарѣчія Италіи. Но Тирепскій языкъ, и въ это время продолжалъ существовать, судя по надписямъ Этрусскимъ, находящимся на урнахъ, вмѣстѣ съ Латинскими. Этрусскій языкъ употреблялся при богослуженіи, а потому Римляне и могли его поддерживать. Maffei полагалъ, что онъ, еще существовалъ при императорѣ Юліанѣ, ибо въ его царствованіе упоминаются «*prolatis libris*» (Am. Marcel. XXII, 5); но эти Этрусскія сочиненія могли быть переведены на Латинскій языкъ, какъ нѣкото-

рыя изъ таблицъ Евгубинскихъ были переведены на тотъ же языкъ Обричей, но уже позднѣйшій и обновленный. Mazocchi и Lami раздѣляли Пелазгическій языкъ на двѣ части: на древнѣйшую и позднѣйшую, сохранившуюся на памятникахъ, и уже отдалившуюся отъ первоначальной. Для объясненія позднѣйшей, тогда обратились къ языкамъ Еллинскому и Латинскому. Bourguet хотѣлъ всё надписи объяснить посредствомъ одного Греческаго языка, но его переводъ таблицъ Евгубинскихъ и надгробныхъ надписей признаны были Массеемъ и другими, — достойными смѣха (*materia di ridere*). Maffei справедливо писалъ, что если бы Греческій языкъ имѣлъ какое либо сходство съ Этрурскимъ, то многіе ученые (въ особенности Салмазіи) могли бы уже давно объяснить всё Пелазгическія надписи Италіи. Почти тоже можно сказать и о Латинскомъ. Но Passeri и Lami увѣряли, что, таблицы Евгубинскія на одно Греческое слово, содержатъ около дватцати Латинскихъ. Ланци пишетъ: «цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы нѣчто прибавить къ мнѣнію Gori, что Этрурскія надписи должно объяснять Латинскимъ языкомъ, а не въ томъ, чтобы окончательно рѣшить этотъ трудный вопросъ, который, вѣроятно, останется навсегда тайною.» И въ другомъ мѣстѣ: «языкъ Пелазгическихъ племенъ Италія можетъ быть, въ некоторомъ отношеніи, болѣе объясненъ, но никогда нельзя надѣяться узнать его совершенно. Я полагаю, что полнаго перевода этихъ надписей нельзя имѣть, потому, что тутъ должно *procedersi come nell'interpretare una cifra, confrontando e congetturando*. Но можно болѣе поднять завѣсу, скрывающую этотъ языкъ.» О Перуджинской надписи Vermiglioli пишетъ: «*é di alta oscurità e difficoltà. . . lingua oscurissima*. Невозможно получить даже малѣйшаго счастливаго истолкованія, потому что не имѣемъ, рѣшительно, никакого ключа, ни средства, для пониманія этой надписи. Обыкновенно обращаются, для истолкованія Этрурскихъ надписей, только къ языкамъ Еллинскому и Латинскому и всегда безуспѣшно.» Vermiglioli, *Saggio di congett. sul. iscriz. Etrusca*, 4. «Не отрицаю,» говоритъ Ogioli, «что въ Этрурскомъ языкѣ находятся *vestigia di grecita*; соглашаюсь, что въ немъ попадаются слова Латинскія . . . но несомнѣнно увѣренъ, что большая часть надписей не можетъ быть объяснена ни Греческимъ, ни Латинскимъ, ни Кельтскимъ, ни другими намъ извѣстными языками. И я рѣшительно отказываюсь отъ какого либо перевода съ Этрурскаго языка, кромѣ собственныхъ именъ. Придетъ время и можетъ быть явится свѣтъ тамъ, гдѣ теперь тьма.» Ogioli, *Mon. Etrus.*

IV, 214—219. Вотъ мнѣніе Inghirami, надавшего классическій трудъ: *Monumenti Etruschi*, 10 томовъ въ 4, съ 470 табл. раскраш. «Чѣмъ болѣе изучаю Этрусскій языкъ, тѣмъ сильнѣе удостоверяюсь, въ бесплодности нашихъ стараній изучить его, до тѣхъ поръ когда, можетъ быть, какой нибудь счастливый случай откроетъ намъ настоящій путь, по которому должно слѣдовать и въ какомъ, изъ первобытныхъ языковъ, надобно искать корней Этрусскаго языка. Хотя въ немъ есть, конечно, нѣкоторыя слѣды Греческаго и Латинскаго языковъ, но главное содержаніе надписей неподходитъ къ нимъ обобщенію. Кромѣ перевода собственныхъ именъ, все остальное однѣ предположенія. Объясненіе надписей, есть обыкновенно *indovinamento di Sibilla*. Напримѣръ *Mutina*, переводили «*mysytero divino, arcano segrete*», etc. но тогда еще не знали, что это же слово находится также и въ надгробныхъ надписяхъ. Въ истолкованіи надписей Этрусскихъ мы дошли, только до исправленной азбуки и прочтенія собственныхъ именъ. Ogioli прибѣгаетъ къ объясненіямъ Lanzi, потому, что до сихъ поръ, иѣтъ ничего лучшаго (*Mon. Etruschi*, IV, 212, 215, 216.) Языкъ Пелазговъ Италіанскихъ совершенно отличенъ отъ Еллинскаго и Римскаго. Онъ состоитъ изъ словъ, выраженій, грамматическихъ формъ и словосочиненія, не имѣющихъ ни какого сходства съ двумя послѣдними. Въ этомъ мы ежедневно удостоверяемся болѣе и болѣе и даже изъ сочиненія самаго Ланци». *Ib.* II, 233. Часто изъ огромныхъ разсужденій о языкѣ Этрусскомъ мы ничему не научаемся, потому, что и до сихъ поръ: *tutto é congetturale e incoerente con gli attuali nostri sistemi.*» *Ib.* II, 208. «Надобно отложить стараніе», говорить Valeriani, производства Этрусскаго языка, отъ Еллинскаго и Латинскаго и обратиться на другой путь, для объясненія надгробныхъ надписей, писанныхъ на языкѣ, для насъ, до сихъ поръ, потерянномъ». *Museo Chiusino*, I, 13 и *Mon. Etrus.* VI, 13. «Этрусскій языкъ, въ основаніи своемъ (*nel suo fondo*), не имѣетъ ничего Греческаго; онъ совершенно другой языкъ и отъ того Пелазгійскія надписи Италіи мы не болѣе понимаемъ теперь, какъ Египетскіе іероглифы. *Mus. Chius.* 22, 32. Языкъ Евгубинскихъ таблицъ, хотя содержитъ нѣсколько Латинскихъ словъ, но совсѣмъ тѣмъ, для насъ совершенно потерянтъ». *Niebuhr*, I, 207. «Жители Лидіи, Каріи, Бреги, Ликіи, были уже просвѣщенныя Пелазги, когда Греки, были варвары, въ Троянскую войну». Ogioli, *Monum. Etruschi*, IV, 162. Пелазги, Лиды, Бреги, Тирены, Венеты, — всѣ древнѣе Грековъ; слѣдовательно нечего и ду-

мать объ изученіи Этрурскаго языка, посредствомъ Еллиническаго. Valeriani, Mus. Chius. I, 24. (2).

Изложивъ все, что намъ извѣстно объ изысканіяхъ, предпринятыхъ въ Италіи относительно къ языку Пелазговъ и разнымъ его нарѣчіямъ,—мы должны упомянуть, для полноты нашего обзора, и о тѣхъ ученыхъ трудахъ, которые были совершены, въ послѣднее время, въ Германіи. Первый, на этомъ поприщѣ, былъ, кажется, О. Müller, но сочиненія его: *die Etrusker*, изданнаго въ 1828 году, мы не могли отыскать даже въ Германіи. (3) Ложный взглядъ Мюллера, на языкъ Италіанскихъ Пелазговъ, виденъ уже изъ того, что онъ почитаетъ Этруръ какимъ-то особеннымъ народомъ, поселившимся въ самой срединѣ Италіи и который не имѣлъ ничего общаго съ Пелазгами и въ отношеніи языка. (Lassen, 6). Но мы уже привели неопровержимыя свидѣтельства всего древняго міра, что Этруры были Лиды, переселившіеся изъ Малой Азіи и слѣдовательно такіе же Пелазги, какъ Обричи, Сабинны, Оски и др. (Времен. XVI, 30). Далѣе мы помѣстимъ переводъ многихъ надгробныхъ надписей, чисто Этрурскихъ, изъ которыхъ можно видѣть, что языкъ Этруръ былъ также нарѣчіе Пелазгійское, можетъ быть отличавшееся отъ Оскаго и др. на столько, какъ Сербскій языкъ отъ Русскаго, или Польскій отъ Чешскаго. Послѣ Мюллера, явился Lassen, съ *Beiträge zur Deutung der Etrusk. Tafeln* (Bonn, 1833), книжкою въ 57 стр. Изъ всего текста Евгубинскихъ семи таблицъ (20 стран. въ листъ) Лассенъ пытался объяснить только 26 строкъ, съ помощію одной Латыни. Этотъ опытъ могъ быть новостію для Германіи, но конечно не для Италіанскихъ ученыхъ, ибо Ланци за пятьдесятъ лѣтъ прежде Лассена представилъ, не только переводъ этихъ 26 строкъ, но и большой части Евгубинскихъ таблицъ и также основываясь на Латинскомъ языкѣ (4). За Лассеномъ слѣдуютъ Гротененда *Rudimenta linguae Umbricae*, восемь частей, изданныхъ въ 1835—1839 годахъ. Мы не имѣли случая пользоваться этимъ многотомнымъ сочиненіемъ и ни мало не сожалѣемъ, ибо сами Нѣмецкіе ученые, столь часто нападающіе на Италіанскихъ, признаютъ всѣ Гротенендовы предположенія «illusorisch и problematisch». (5) Lepsius, въ 1841 году, болѣе всѣхъ, въ Германіи, оказалъ услугу сравнительному изученію Пелазгійскаго языка, изданіемъ *Inscriptiones Umbricae et Oscae* (208 стр. въ 8, Lipsiae). Хотя онъ даже и не приступалъ къ переводу Евгубинскихъ и Оскихъ надписей, ибо ясно видѣлъ невозможность сближенія нарѣчій древней Италіи, съ поддѣйшею Латынью (6), но главная и существенная заслуга Лепсіуса со-

стоитъ въ ученѣомъ изданіи, или лучше сказать facsimile, какъ Евгубинскихъ таблицъ, такъ и надписей Осковъ. Теперь каждый, не выходя изъ своего кабинета, можетъ изучать надписи, съ полною увѣренностію, что разбирать этѣ древнѣйшія начертанія въ facsimile, тоже что имѣть предъ глазами самыя таблицы. Приложенный Лепсіусомъ, къ его сочиненію, полный словарь всѣхъ словъ таблицъ Евгубинскихъ и надписей Осковъ, (хотя и безъ малѣйшаго сближенія съ другими древними языками)—также много облегчаетъ трудъ изыскателя, (стр. 158—208). Последнее сочиненіе, вышедшее въ Германіи есть: Die Umbrischen Sprachdenkmäler, v. Aufrecht u. Kirchoff, (Berlin, 1849 — 51; 2 тома: 169 и 423 стр.). Что сказать объ этомъ сочиненіи? Если опровергать все тутъ напечатанное на 600 стр. мелкой печати, въ 4 долю, то нужно написать такіе же два тома, а на это необходима масса терпѣнія, которою не всякій одаренъ отъ природы,—и времени, коимъ также не каждый можетъ располагать по произволу. Г. Г. Ауфрехтъ и Кирхгофъ, не имѣли другаго пособия какъ, исключительно, одну Латынь (стр. 10 — 11). Слѣдовательно они не открыли новаго источника для объясненія Пелазгійскихъ нарѣчій, кромѣ тогоже Латинскаго языка, къ которому тщетно обращались всѣ ученые Италіи и даже Германіи, въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ. Чего не вытерпѣла несчастная Латынь въ это время? Латинскія слова растягивали, сжимали, отсѣкали отъ нихъ, по два и по три слога, чтобы получить хотя что нибудь похожее на языкъ Обричей, и все таки не подвинули ни на шагъ впередъ перевода Евгубинскихъ таблицъ. Предполагать же, что всѣ прежніе истолкователи Евг. таблицъ менѣе знали Латынь, чѣмъ Кирхгофъ и Ауфрехтъ, было бы нелѣпо; не ужъ ли въ самомъ дѣлѣ, въ Римѣ,—этой колыбели Латинскаго языка,—менѣе занимаются имъ, чѣмъ въ Берлинѣ? Не ужъ ли Maffei, Passeri, Lanzi, Jughigami, и множество другихъ хуже знали Латынь, чѣмъ вновь явившіеся истолкователи? Самъ Лепсіусъ, прожившій нѣсколько лѣтъ въ Италіи, видѣвшій всѣ памятники Пелазгійскіе въ оригиналахъ (а не на рисункахъ) и издавшій ихъ столь отчетливо,—неужели не приступилъ бы къ переводу Евг. таблицъ, если бы видѣлъ возможность извлечь, изъ Латинскаго, или Греческаго языка, какую нибудь пользу? Вѣроятно новые толкователи не сомнѣваются, что и Lepsius знаетъ эти языки не хуже ихъ (см. его Inscr. Umbr. et Oscae и de tab. Eug.) и все таки этотъ ученый (въ полномъ смыслѣ этаго слова) не рѣшился даже приступить къ объясненію необъяснимаго

посредствомъ Латыни. (7) Г. Г. Ауфрехтъ и Кирхгофъ перевели всѣ семь таблицъ, что называется «отъ доски до доски», но каковъ переводъ, это другое дѣло. Они даже напечатали *Formenlehre* нарѣчій Обричей: бездѣлица, грамматика Пелазгійскаго языка? Это все равно, что сказать: «вотъ вамъ грамматика неизвѣстнаго языка, нами только теперь открытаго, въ слѣдствіи *organische Lautgesetze* (стр. 8). Впрочемъ, по ихъ мнѣнію, этотъ языкъ почти тоже, что и Латинскій; ибо, рассуждая о существительныхъ именахъ, они не могли представить болѣе одного полнаго примѣра склоненія, именно слово TUTA, TUTU (тата, тату), и за неизмѣнимъ другихъ, дополнили Латинскими склоненіями потому, что по ихъ мнѣнію, оба языка суть одинъ и тотъ же, (8). Г. Г. Кирхгофъ и Ауфрехтъ утверждаютъ, что всѣ прежніе толкователи оттого только не успѣвали въ сравненіи Пелазгійскихъ нарѣчій съ Латинскимъ языкомъ, что не имѣли «раціональной системы и ученаго метода; и что имъ были неизвѣстны *untrügliche organische Lautgesetze*», (9). Не упоминая уже о Италіанскихъ ученыхъ, стяжавшихъ Европейскую извѣстность, которая по крайній мѣрѣ можетъ равняться съ ученостію новыхъ толкователей, — видно что Niebuhr, Lassen, Grotefend, всѣ Нѣмцы, воспитанные, подъ вліяніемъ той же Германской науки, равно не знали «органическихъ законовъ голоса», давшихъ наконецъ возможность, въ Берлинѣ, въ 1849 году, открыть свѣтъ, тамъ гдѣ была тьма. Но «смѣлымъ Богъ владѣетъ» и 600 стр. въ 4, явились къ услугамъ читающей публики? (10).

Тожe, что мы сказали о языкѣ Пелазговъ Италіанскихъ, можно при- мѣнить къ памятникамъ ваянія и живописи, находимымъ на всемъ пространствѣ древней Италіи. Изображенія на нихъ находящіяся, большею частію, не Греческаго происхожденія. На безчисленномъ множествѣ вазъ, барельефовъ, въ живописи на стѣнахъ погребальныхъ пещеръ, представлены мифы Пелазгійскіе, предшествовавшіе началу Еллинскаго племени. Фагао доказывалъ, что многія имена, находящіяся на Этрусскихъ вазахъ, именно Aiogie, Antheia, Naissa, (Яга, Анта, Ниша), равно какъ и изображенія на нихъ представленныя, взяты изъ мифовъ чисто Пелазгійскихъ, т. е. Итало-Этрусскихъ, а не Еллинскихъ, ибо всѣ древнѣе Греческихъ. *Mus. Chius. 68. Mon. Etg. V, 186.* «Мифы восточные и Орфическіе (Θρακίϊσκιε) намъ переданы на памятникахъ Италіи, различно отъ Еллинскихъ; ибо Греки все изказали своею этимологіею.» *Ingh. VI.* Этрусскіе памятники были найдены въ древней Venetia, даже въ Сициліи. На нихъ представлено много произшествій и мифовъ до-Троянскихъ т. е. чис-